

МИНИН ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

В жизни каждого города (как, впрочем, и каждой страны, и каждого отдельно взятого гражданина) время от времени происходят события, предполагающие вариантность принимаемых решений. Например, какое-то известное всему миру здание могли воздвигнуть не там, где его привыкли видеть толпы туристов, а совсем в другом месте. Или вдруг вместо одного проекта памятника утвердили, отлили из бронзы и установили совсем другой... Да мало ли какие варианты градостроительных и прочих значимых для истории идей существуют поначалу! Потомки знают и помнят только занявшего предназначенный для него пьедестал победителя.

Сегодня мы открываем новую рубрику, которая поможет всем увидеть наш город не таким, каким он стал на самом деле, а таким, каким он мог бы стать, если... Настоящая жизнь не признает сослагательного наклонения, но мы-то с вами вправе пофантазировать?! Итак, Москва в «сослагательном наклонении»...

Кто в наше время не знает имен спасителей отечества — князя Пожарского и гражданина Минина?... Но сегодня мы хотим поговорить не о реальных исторических персонажах, а о двух бронзовых людях, навек застывших на своем пьедестале у стен Кремля.

История создания этого памятника скульптором **Иваном Петровичем Мартосом** (1754—1835), перипетии первого в России «открытого конкурса» на лучший проект памятника — весьма интересны и по-своему поучительны, но нас (согласно обозначенным рамкам рубрики) занимает сегодня иное обстоятельство. А не мог ли этот знаменитый на весь мир памятник получить приписку в другом месте? Оказывается, мог!

В 1808 году, через четыре года после создания И. Мартосом первой глиняной модели памятника Минину и Пожарскому, вполне объяснимую инициативу по поводу установки монумента в своем родном городе проявили нижегородцы. Гражданский губернатор Нижнего Новгорода Руковский передает в начале апреля министру внутренних дел А. С. Куракину бумагу с «решением дворянства и граждан своей губернии» соорудить памятник на родине одного из героев. Эта похвальная инициатива находит понимание при дворе, объявляется конкурс, создаются разные проекты, но император Александр Павлович «соизволил избрать для произведения в действо проект, сделанный статским советником и Академии художеств адъюнкт-ректором Мартосом, яко достойнейший...».

Уже объявляется по всем губерниям империи «подписка на сооружение памятника», уже скульптором делается второй вариант проекта, но... В тот момент, когда была собрана большая часть из запрошенных Мартосом на памятник 150 тысяч рублей, автор пишет министру внутренних дел, что по всем соображениям — и политическим, и финансовым — «приличнейшим поставить монумент в Москве». И 15 февраля 1811 года кабинет министров, рассмотрев предложение Мартоса, соглашается, что «действительно приличнее поставить означенный монумент в Москве, которая была предметом великих дел князя Пожарского и Минина...». А тут еще дворянство и купечество московские спешат сообщить, что готовы пожертвовать на памятник дополнительно 40 тысяч рублей, «когда монумент поставлен будет в Москве...». И выбор в пользу первопрестольной становится окончательным.

В 1812 году, когда исполнилось 200 лет подвигу Минина и Пожарского, а героям новой Отечественной войны свои подвиги еще только предстояло совершить, скульптор Мартос обсуждает с московским главнокомандующим генерал-фельдмаршалом И. В. Гудовичем вопрос «об избрании в Москве места для монумента...».

Место, предложенное графом Гудовичем, в общем-то пришлось по сердцу скульптору. Речь шла о точке пересечения Тверской улицы с новообразованными московскими бульварами; о том месте, где, как пишет сам Мартос, «прежде были Тверские ворота (Белого города. — Ред.), а ныне расширена изрядная площадка. Я со своей стороны признаю сие место весьма приличным для сказанного монумента, ибо оно положение имеет близ косогора от Кремля, простирающегося по большому Санкт-Петербургскому тракту...».

Так, видимо, и было бы решено, и стояли бы Минин с Пожарским восторженно им бронзовый век на Страстной площади, которая в этом случае, скорее всего, никогда не стала бы Пушкинской. А может быть, в эпоху торжества «генеральных планов» их снесли бы за ненадобностью и вредностью

для «новой жизни» всяких бронзовых купцов и князей. Или, во всяком случае, задвинули бы куда-нибудь на задворки, чтобы не мешали уличному движению. Но... не было счастья, да несчастье помогло!

Опустошающий пожар Москвы 1812 года, который, если верить классике, «способствовал ей много к украшенью», изменил отношение Мартоса к выбору места для монумента. В 1813-м по проекту О. Бове начинается создание нового облика Красной площади: сносятся земляные валы вдоль кремлевской стены, засыпается ров, убираются торговые ряды, стоявшие по всему ее периметру, украшаются фасады домов... И Мартос решает, что «из всех мест, которые... я обследовал, не нашел лучшего и приличнейшего, чем Красная площадь, но господин главнокомандующий в то время не согласился...».

Еще три года, пока идет работа над монументом, московские власти продолжают настаивать на первоначальном варианте установки памятника у Страстного монастыря. Но в конце концов, как мы теперь знаем, верх одержала точка зрения автора монумента. Правда, и после установки Минин с Пожарским все-таки попутешествовали по Красной площади: в советское время их передвинули с их законного места напротив Торговых рядов к храму Василия Блаженного. В общем, тоже не так плохо: могли бы и вовсе выселить, были такие предложения. А как бы памятник Минину и Пожарскому мог выглядеть на современной Пушкинской площади (повернись все не так, как случилось на самом деле) вы сможете увидеть на нашем фотоснимке, сделанном с «выдержкой сослагательного времени»...

Юрий ГУЛЕР

